

Теория и история культуры, искусства

УДК: 82-1:94 (470+571)

A. E. Отина

(к. филол. наук, доцент)

Донецкий национальный технический университет

(г. Донецк, Донецкая Народная Республика, РФ)

ПОИСКИ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОГО ИДЕАЛА В ЗЕРКАЛЕ РУССКОЙ ПОЭЗИИ НАЧАЛА XX-го ВЕКА ЧАСТЬ II

Аннотация. В статье говорится о нравственных и идеологических исканиях русских поэтов начала XX-го века, происходивших на сломе эпох: старого и нового мира, России самодержавной с разрастающимся в ней капитализмом и России социалистической. Революция явилась мощнейшим катализатором нового творчества, новой литературы, как в содержательном, так и в формальном планах, поиска новых смыслов и форм, нравственного выбора.

Ключевые слова: Революция, старый мир, новый мир, коренной слом, внутренние противоречия, выбор, просветительский проект.

A. E. Otina

(Candidate of Philological Sciences, Associate Professor)

Donetsk National Technical University

(Donetsk, Donetsk People's Republic, Russian Federation)

SEARCH FOR SPIRITUAL AND MORAL IDEAL IN THE MIRROR OF RUSSIAN POETRY OF THE EARLY 20-th CENTURY PART II

Abstract: The article discusses the moral and ideological quests of Russian poets in the early 20th century, which took place at the turn of the eras: the old and the new world, autocratic Russia with its growing capitalism? and socialist Russia. The revolution was a powerful catalyst for new creativity, new literature? both in the terms of content and forms, as well as for moral choices.

Keywords Revolution, the old world, the new world, radical change, internal contradictions, choice, educational project.

Новое, стремительно возникшее, врывающееся в жизнь в окружении рокочущих звуков и потрясающие ярких, незнакомых ранее зрительных образов, а главное, потрясение новыми смыслами и целеполаганием становятся источником вдохновения, нравственного и эстетического поиска поэтов начала необыкновенно динамично стартовавшего XX-го века.

Январём 1925 года датирована «Анна Снегина», поэма о любви и не только, скорее, не столько о любви. О революции и не только. О жизни старой и новой, о томящем юном прошлом и крутом бунтующем настоящем. Об отдельном индивидуальном человеке, о разных знакомых ему людях и, одновременно, о множестве – миллионах людей, оказавшихся на границе смены эпох, – на грани, очерченной революцией. За частным в есенинской поэме явно скрыто всеобщее в его множественных обличьях и проявлениях. По прочтении произведения остается впечатление, что многоголосье поэмы слилось в единый хор – в музыку революционного времени. В художественном отношении «Анна Снегина» не только музыкальна, что характерно для всей поэзии С. Есенина, но и скульптурна. Образы ее объёмны, налиты смыслами и знаками эпохи. Здесь всё живёт одновременно, всё одинаково важно, старое и новое, уходящее и впервые рождённое. На фоне коренным образом изменившейся жизни, полной вопросов и надежд, образ первой любви возрастает как символ непреходящего начала жизни, как её возрождение и новое перерождение.

При всей привычной есенинской неподражаемой поэтичности, поэма носит реалистический характер и в описаниях, и в событийном порядке. Реальность проходящего подчеркивается ремарками о душевном состоянии, личных реакциях и взглядах лирического героя (а автор заявляет о своей идентичности с героем), отчего «Анна Снегина» предстаёт не только как автобиографическое произведение, но и как исповедь, картина душевных переживаний и духовных исканий поэта.

Начинается поэма с описания спутником героя, возницей, двух сёл: зажиточного Радово и бедняцкого Криуши – двух лиц, реальностей современной России. В Радово, в силу его зажиточности, отношение к власти у жителей было покорным и спокойным, что обрело значение обычая, уклада: «Раз – власти, на то они власти, а мы лишь простой народ» [4, с. 183]. Совсем иначе обстояли дела в нищенских Криушах, где и зрел бунтарский дух, выразителем которого явился Прон Оглоблин – герой пугачёвского типа и с пугачёвской судьбой (в есенинской поэме).

События и картины в поэме разворачиваются сообразно описываемому в ней времени – в напряжённой динамике, быстро сменяя друг друга, так как автору важно всё: всё понять, охватить, описать и объяснить себе и читателю. Резня между крестьянами Радово и Криуш, оценка лирическим героям событий Первой мировой («Я понял, что я игрушка, в тылу лишь купцы да знать» [4, с. 184]), описание того периода в 1917 г., когда «калифствовал Керенский», при котором «ту же сермяжную рать прохвосты и дармоеды сгоняли на фронт воевать» [4, с. 185]. И тут же на

фоне апрельской красоты во дворе дома старого мельника в сознании героя рождаются два контрастных образа – «девушки в белой накидке», первой его любви, и войны, убившей множество людей, а других превратившей в «уродов теперь и калек». Столкновение картин бушующей весенней зарождающейся жизни и несправедливых смертей, наколдованных войной и теми, кто за ней стоит, вызывает появление на страницах произведения строк, в которых сообщается о личном волевом решении не идти на несправедливую войну:

«Нет, нет
Не пойду навеки.
За то, что какая-то мразь
Бросает солдату-калеке
Пятак или гривенник в грязь» [4, с. 188]

Одна за другой сменяются картины, события и их оценка в рассказах старух-матери (смута – проклятье «неразумному» народу за то, что «прогнали царя»), мужиков с села Криуши. И именно на крыльце у Прона Оглоблина, где собрались обездоленные крестьяне, среди «мужицкого галдежа» о фронте и повсеместной несправедливости герою задают главный вопрос, ответ на который – ключевой момент, кульминация поэмы:

«Скажи,
Кто такое Ленин?»
Я тихо ответил:
«Он – вы» [4, с. 193]

Есть в поэме и эпизод, сообщающий ей характер глубоко личного, интимного переживания – встреча с Анной, разговор, общие воспоминания о молодой любви, мягкие упрёки женщины в адрес поэта за его нынешние «пьяные дебоши» и описание послевкусия встречи:

«Луна хохотала, как клоун.
И в сердце хоть прежнего нет,
По-старому был я полон
Наплывом шестнадцати лет.
Расстались мы с ней на рассвете
С загадкой движений и глаз...
Есть что-то прекрасное в лете,
А с летом прекрасное в нас» [4, с. 196]

Но сразу тональность поэмы меняется диаметрально. События разворачиваются стремительно и, порою, трагически: Прон с герояем направляются в поместье Снегиных, где крестьянский вожак требует отдать землю подобру, иначе её отберут. Здесь же герой узнаёт от Анны о гибели её мужа Бориса, офицера. Обезумев от горя и на фоне смерти супруга на войне, женщина обвиняет поэта в трусости. После следуют летние дни, проведённые героям на охоте в стремлении забыть нанесённую Анной обиду. Но жестокая реальность времени вновь нарушает временное

спокойствие крестьянина-интеллигента: к герою приходит Прон. Снова звучит имя Ленина и впервые произносится новое имя России – Советы:

«Без всякого выкупа с лета
Мы пашни берём и леса.
В России теперь Советы
И Ленин – старшой комиссар» [4, с. 200]

Затем события разворачиваются ещё стремительнее: скорый разбойный захват усадьбы Снегиных крестьянами из Криуш, среди которых первым заводилой был брат Прона Лабутя, «хвальбишка и дьявольский трус», разговор с Анной в доме сердобольного мельника, её извинения и признания. Отъезд героя в Петербург и новое возвращение в деревню после письма от мельника, где он сообщает о расстреле деникинцами Прона Оглоблина. Ностальгическое письмо от Анны из лондонской эмиграции, где она, тоскуя, нередко ходит на пристань посмотреть «то ли на радость, то ли в страх» на «красный советский флаг».

«Анна Снегина» – крайне динамичное произведение. Потрясающая динамика и огромное смысловое наполнение для такой небольшой поэмы. За каждым образом – героя, Анны, едва упомянутого её мужа Бориса, Прона Оглоблина – читается целая жизнь с её крутыми поворотами, вызванными волей революции. Поэма завершается зеркально (практически кольцевая композиция) теми же строками, что были близко к началу:

«Когда-то у той вон калитки
Мне было шестнадцать лет.
И девушка в белой накидке
Сказала мне ласково: «Нет!»
Далёкие милые были!...
Тот образ во мне не угас.
Мы все в эти годы любили,
Ну, значит,
Любили и нас» [4, с. 209].

Последняя строка звучит иначе, чем вначале, где: «Но мало любили нас». С одной стороны, в конце поэт возвращается к частной истории отношений и их завершения. С другой, финальные воспоминания о далёких годах первой любви в художественном плане подчёркивают, выделяют настоящую реальность новой жизни, делая её скульптурно объёмной, выпуклой. Последняя строка с противоположным тому, что было ранее, утверждением не только эмоционально завершает любовную историю, но и открывает перспективы в будущее, в мир, где многократно ещё повторится любовь.

Интересны и два зеркальных как в названиях своих, так и в содержании стихотворения С. Есенина – «Русь уходящая» и «Русь советская». «Русь уходящая» – пронзительная исповедь человека, оказавшегося в гуще революционной бури, на сломе эпох, на перекрёстке двух миров, каждый из которых – часть его жизни, его

судьбы. Лирическому герою Есенина ностальгически мило его прошлое, потому, как и многие другие, он ориентируется на заветы дедовской Руси («И песни новые по-старому поем, как нас учили бабушки и деды») [6, с. 102]. Но при этом он готов с огромной радостью «задрав штаны, бежать за комсомолом») [6, с. 102]. По признанию поэта,

«Я человек не новый! Что скрывать?
Остался в прошлом я одной ногою,
Стремясь догнать стальную рать,
Скользжу и падаю другою» [6, с. 104]

В этих строках необыкновенно сочетаются и печаль, и радость – вся гамма чувств «не молодого, не старого» человека, оказавшегося на тектоническом сломе эпох, на гребне волны, уносящей из прошлого в будущее, в котором сложатся иные нормы и традиции. И «Русь советская» о том же, те же есенинские мотивы уходящих прошлого и молодости, утраты близких друзей и тоски по ним, пристального наблюдения за ворвавшимся в жизнь и изменившим её новым и новыми молодыми, непохожими на прежних. Переплетение мотивов и образов эпохального и личного значения и потрясающее звучание эпохального через личное. Огромная ностальгия и попытка ее преодоления через осознание происходящего и, как итог, принятие новой действительности:

«Уже ты стал немного отцветать,
Другие юноши поют другие песни.
Они, пожалуй, будут интересней –
Уж не село, а вся земля им мать» [5, с. 95]

Образы «хромого красноармейца» с его рассказами о Будённом и о взятии Перекопа, деревенской молодёжи, поющей «агитки Бедного Демьяна» [5, с. 96], односельчан, вжившихся во всё это и живущих в новой реальности без вопросов, руководящих мыслями и чувствами лирического героя, подчеркивают ощущение потерянности и раздвоенности последнего, ощущение собственной ненужности. Тем не менее, к новому поколению Есенин обращается с пожеланием-призывом: «Цветите, юные, и здоровейте телом! У вас иная жизнь. У вас другой напев», осознавая все права новой во всех смыслах жизни на жизнь [5, с. 97]. Смыслы собственного существования, сущность своей самой большой, если не единственной любви, Есениным заключены в последних строках «Руси советской»:

«Я буду воспевать
Всем существом в поэте
Шестую часть земли
С названьем кратким «Русь»» [5, с. 97].

А. Блок, без преувеличений, Великую Октябрьскую социалистическую революцию принял с восторгом. Прозвучавшие манифестом слова «Революционный

держите шаг» были совершенно искренними, и шаги поэта в революционном марше не отставали от поэтических слов. Дореволюционные события, поглотившие страну, вызывали у Блока различное к себе отношение, контрастная палитра которых высвечивает восприятие сложной современности и этические приоритеты поэта. Так, Первая мировая, вызвавшая воодушевление и подъем у немалого количества писателей того времени, не возбудила в Александре Блоке модной рьяной радости, присутствовавшей у представителей российской художественной интеллигенции.

В. А. Зоргенфрей так передал отношение поэта к поглотившей страну войне: «И в начале 1915 года, и в дальнейшем, вплоть до 1917 г., отношение Блока к военным событиям нельзя было назвать иначе как безличным – не в смысле безразличия, а в смысле признания за ними свойств стихийных, поглощающих волю. Ни тени одушевления, владевшего – искренно или наигранно – интеллигентным обществом того времени, не проявлял АА в этих беседах; с другой стороны, не высказывал он, в сколько-нибудь определенной форме, активно-отрицательного отношения к происходящему. В разговорах того времени, как и в стихах, он поминал Россию, томился по России, ждал ее...» [7, с. 138]. Вопрос: по какой именно России «томился» Блок, какую Россию «ждал»?

Время, проведённое А. Блоком в армии, куда он был призван с осени 1916 года, воспринималось им как пустое и потерянное, главным образом из-за его обязанностей в инженерной роте вдали от военных действий, которые вызывали чувства бесполезности и бессмыслицы своего места посреди грозных событий. Душевный спад вызвал у поэта и творческий кризис, продлившийся с момента призыва – с осени 1916 года до января 1918 года. В течение этого промежутка времени А. Блок не написал ничего, кроме писем. А с января 1918 г. в короткий срок в несколько недель Блок пишет известную статью «Интеллигенция и революция», поэму «Двенадцать» и стихотворение «Скифы». Все они объединены одной волей – желанием разобраться в сущности революции и понять направление ее движения.

Февральскую революцию, известие о которой его застигло в марте по дороге в Петроград, А. Блок воспринял с радостной надеждой. 22 апреля 1917 года в записной книжке поэта, среди других восторженных записей, появилось: «Всё будет хорошо. Россия будет великой. Но как долго ждать, и как трудно дождаться» [1, с. 318]. Ожидания Блока были деятельными: возобновление репетиций пьесы «Роза и Крест» в МХТ К. С. Станиславского, работа над «Возмездием», редактирование Ап. Григорьева и работа редактором в Чрезвычайной следственной комиссии для расследования противозаконных действий бывших министров и прочих высших должностных лиц, продлившаяся с весны до осени 1917 года, и оказавшаяся по мере поглощенности в неё – особенно это касается присутствия на допросах – для поэта крайне эмоционально тяжелой. Факты злоупотребления власти, с которыми А. Блок столкнулся во время работы в ЧСК, и их обобщение и анализ, привели его к

выводу, что распад существующего строя неизбежен и скор, необходим был только «толчок» для начала разрушения, и этим толчком, по его мнению, явилась война 1914-1917 гг. Именно работа в Чрезвычайной следственной комиссии привела Блока к разочарованию в содержании Февральской революции, ее идеологе и лидеру А. Ф. Керенском, во Временном правительстве и заставила принять и приветствовать новую, октябрьскую революцию 1917 года.

В статье «Интеллигенция и революция», написанной по следам октябрьских событий, А. Блок указывает на беспрецедентное историческое значение революционного настоящего для всего мира, так как теперь «весь европейский воздух изменён русской революцией» [3, с. 11]. В революции он также видит испытание для художников слова на способность увидеть, понять и предвидеть. По мнению Блока, желание «охватить весь мир» – признак не мятежа, бунта, а истинной революции, которой является октябрьская революция в России. Она – осуществление стремлений «великих художников русских» – «Пушкина, Гоголя, Достоевского, Толстого», которые «... знали, что рано или поздно, всё будет по-новому, потому что жизнь прекрасна!» [3, с. 13].

Эволюционный путь развития страны, когда всё течёт само собой и неизвестно, куда приведёт течение, Блок считает однозначно тупиковым. Революционный перелом, а не длительная эволюция, по его мнению, необходим России в свете сложившихся исторических реалий, когда существовавший строй полностью дискредитировал себя. Революция – единственно верный и справедливый путь в динамике дальнейшего развития страны. Она является единственным адекватным ответом на ряд вопросов, назревавших длительное время: «Почему дырявят древний собор? – Потому что сто лет, здесь ожиревший поп, икая, брал взятки и торговал водкой. Почему гадят в любезных сердцу барских усадьбах? – Потому что там насиливали и пороли девок: не у того барина, так у соседа. Почему валят столетние парки? – Потому что сто лет под их развесистыми липами и кленами господа показывали свою власть: тыкали в нос нищему – мошной, а дураку – образованностью» [3, с.15]. Буржуазный путь неизбежно ведет к тому, что все в России, как и во всей Европе, кинутся в «индивидуализм», в «бегство от общественности», в «глухую и одинокую ночь». Такой путь был предложен Февральской революцией. Октябрьская революция совсем о другом.

Блок подчёркивает, что обращается он к интеллигенции, никак не к буржуазии, у которой всё просто и обусловлено сохранностью благосостояния. Автор статьи осуждает демагогию о душевности и душе, когда речь идет о восстановлении справедливости: «К чему загораживать душевностью пути к духовности? Прекрасное и без того трудно. А дух есть музыка. Демон некогда повелел Сократу слушаться духа музыки. Всем телом, всем сердцем, всем сознанием – слушайте Революцию» [5, с. 20]. Революция сродни духу, душа притягивает к себе кровь, а дух

просветляет сознание, – утверждает Блок. Поэтому и в знаменитом финале знаковой блоковской поэмы «Двенадцать» появляется Иисус Христос как воплощение Духа, движения духа, освобождения духа – Иисус Христос, идущий впереди революционных колонн:

«... Так идут державным шагом,
Позади – голодный пёс,
Впереди – с кровавым флагом,
И за выюгой невидим,
И от пули невредим,
Нежной поступью надвьюжной,
Снежной россыпью жемчужной,
В белом венчике из роз –
Впереди – Иисус Христос...» [2, с. 359].

Поэму «Двенадцать» А. Блок написал в январе 1918 года, практически по следам Октября. Писал он её, находясь в сердце революционных событий, в послереволюционном Петрограде, чей воздух, как и настроение поэта, были «наэлектризованы» революцией. Написание поэмы изначально вместилось в несколько дней, а для её окончательного завершения понадобился только месяц, в таком восторге Блок писал свои «Двенадцать». Вдохновение возникло сразу и мощно из гущи революционной жизни, которой был не только город переполнен, весь мир слышал о ней, прислушивался к её звукам.

«Двенадцать», которую Блок писал, согласно его собственным воспоминаниям, во «вьюжные» январские дни, – поэма о стихии революции, о её немыслимой силе, которая распространяется везде, на всех и вся, которая праведна и неминуема. Поэтому и Библейские реминисценции – 12 Апостолов – 12 красноармейцев и Иисус Христос впереди революционного шествия. Фигура Христа видна неясно, как пока ещё неясно и тревожно будущее в городе, пестреющем разным людом (богатая дама, священник, старухи, бывший красногвардеец Ванька, отказавшийся от правды революции ради кабаков и проститутки Катьки), столкновениями и драками. Однако само появление Спасителя указывает на правильный путь революции и на светлое будущее для тех, кто по нему пошёл. И хотя Блок по собственному признанию хотел изменить финал поэмы, сам удивляясь появлению в ней Иисуса Христа, но вчитываясь в свой текст, всматриваясь внутрь собственного вдохновения, поэт только убедился, что никак иначе произведение он завершить не сможет.

В некрологе «Умер Александр Блок», написанном В. Маяковским в 1921 году, автор пишет о творчестве Блока как о «поэтической эпохе», так как «славнейший мастер-символист оказал огромное влияние на всю современную поэзию» [12, с. 21]. Исключительно важным для Маяковского было то, «что Блок честно и восторженно подошел к нашей великой революции». Однако, по словам Маяковского, для Блока оказалось непосильным «выдержать и поднять ее тяжелые реальнейшие, грубейшие образы», сожжение его деревенской библиотеки тяжело отзывалось на

душевном состоянии поэта, который, по выражению Маяковского, «надорвался» на поэме «Двенадцать», полной противоречивых чувств по отношению к революции.

Однако по силам А. Блоку было одной небольшой поэмой объять колоссальное по охвату и содержанию своему событие, почувствовать правду революции, с силой настоящей антиципации увидеть будущее освобождение народа от всего того тёмного, что пока ещё есть и описано автором в начале поэмы, чем был наполнен старый дореволюционный Петербург, нелюбимый поэтом, который он воспринимал не только как чуждый, но и как враждебный человеку город. И самый главный символ поэмы – фигура Христа – выводит читателя за пределы завершённого произведения: в будущее, в свет, в движение, в развитие, к правде и справедливости, подтверждая, что революционный путь – единственно верный путь.

Не случайно темой многих отдельных исследований является отношение к революции Владимира Маяковского, поэта новой формации, нового времени, во всех смыслах художника-футуриста. Для Маяковского революция явилась мощнейшей силой, способной сконцентрировать в себе энергию общественных перемен, катализатором изменений жизни к лучшему, рычагом, запустившим процессы построения нового мира. Однако при этом поэт ясно видел и то, что революция – нелегкий путь, на котором неизбежны большие жертвы.

При этом сам Маяковский по духу своему, по содержанию и характеру своей личности был человеком деятельным, ищущим, революционным во всём – в словесном творчестве, в общественной и личной жизни. Маяковский предчувствовал революцию, желал и ждал её. По выражению Луначарского, поэт «гигантскими шагами шел навстречу революции», и это узнаваемо и понятно, поскольку иначе этот человек и не мог двигаться.

В революционную динамику Маяковский окунулся с 1918 года, когда принял участие работать в «Окнах РОСТА». Поэт активно пропагандировал идеи большевиков. Пролетариат и революция стали настоящей страстной любовью Маяковского, а любить он умел самозабвенно. Поэма «Во весь голос», стихотворения «Октябрьский марш», «Ленин с нами», «Да или нет», «Молодая гвардия», «Марш комсомольца» и многие другие, рисунки и тексты для агитационных плакатов «Окон РОСТА» – все это бурлило внутри Маяковского и вокруг него, выливалось на страницы газет и журналов, на упаковки товаров народного потребления (например такие, как тексты, написанные Маяковским для оберток карамели «Красноармейская звезда»):

«Шире открой на Запад глаза:
с Запада может прийти гроза.
Чтоб враг не лез на республику в раже,
красноармейцы, стойте на страже!» [10, с. 302].

Маяковский жил, как горел, и сгорел в пламени собственных очень больших чувств. Чего стоят по силе высказанного внутреннего переживания одни только две последние строфы стихотворения «Революция»:

«Не трусость вопит под шинелью серою,
не крики тех, кому есть нечего;
это народа огромного громовое:
– Верую
величию сердца человечьего! –
Это над взбитой битвами пылью,
над всеми, кто грызся, в любви изверяясь,
днесь
небывалой сбываются былью
социалистов великая ересь!» [11, с. 140].

Поэзия В. Маяковского – целый мир. Мир художественный, авангардный, футуристический, повествующий о реальном мире, революционной реальности и о том неизведанном новом, что самой новизной своей вызывало много вопросов и требовало быстрых, но обдуманных решений и ответов на задания, привнесённые в жизнь временем. Одним из наиболее глубоких, пронзительных, трагических, но жизнеутверждающих произведений Маяковского является его стихотворение «Лена», посвящённое расстрелу рабочих во время забастовочных волнений в 1912 году, – стихотворение поистине шекспировского масштаба и по концентрации в нём смысла и эмоций, и по гениальному их воплощению в поэтической форме. Точнее, это даже не шекспировский размах, это размах Владимира Маяковского.

Всё стихотворение построено на ярких контрастах, как и контрастна жизнь двух антагонистических классов, присутствующих в нём. С одной стороны, «тысячи рабочих людей», проживающих «у жил драгоценной Лены», коллективный *рабочий*, который живёт хуже некуда:

«Роя
золото
на пятёрки и короны,
рабочий
тощал
голодухой и дырами» [8, с. 92].

С другой, – разжиревшие на непосильном труде рабочих масс питерские «бароны», убийца губернатор Бантыш и жандарм ротмистр Трещенко, которые непосредственно подавили протест одного из первых рабочих движений, буквально залив Лену кровью простых людей. Требования рабочих при этом не были невыполнимыми, всего лишь «капусты, получше мяса и работы 8 часов» [8, с. 92]. Директор предприятия, к которому обратились рабочие, нарочно всячески затягивал с ответом, поджиная войска от губернатора. А дальше в поэме возникают ощутимо болезненные образы скрипящего «сквозь снежную тишину» под скрипящими также са-

погами солдат льда, визг ротмистра Трещенко «пли», «в перчатке пальчик», указывающий солдатам на безоружных людей:

«И снова
в мишень
рабочего лба
жандармская
метится
лапа» [8, с.94]

Утром «жандарм упитан», выслуживаясь, спешит отчитаться перед начальством об успешном окончании кровавой миссии: «250 ранено, 270 убито». События, столь ярко отражённые Маяковским на страницах художественного текста, незамедлительно вызывают у читателя не просто возмущение, а подлинный гнев. И создаётся впечатление, что и сам он находится там, где после распространения «молвы о стрельбе причине» «становится завод сотый». И нет никаких сомнений в праведности восстания, и нет ему остановки, несмотря на те кровавые угрозы и преграды, с которыми уже столкнулись рабочие. Образы ревущего, бредущего по заводам горя, взывающего к борьбе, красного флага над головами восставших, облитого «и ленскою кровью», победного пролетарского шага, вколоченного в мостовые города – одновременно реквием павшим и гимн революционного восстания:

«И горе
ревя
по заводам брело:
– Бросьте
покорности
горы нести! –
И день этот
сломленный
был перелом,
к борьбе перелом
от покорности.
О Лене память
ни дни, ни года
в сердцах
не сотрут никогда.

Шаг
вбивая
победный
твой
в толщу
уличных плит,
помни,
что флаг
над головой
и ленскою кровью
облит»
[8, с. 96 - 97].

Яркие, бушующие образы, сила нравственного права и правды, стоящая за нарастающим рокотом революционного движения, звукопись и неровная, на пределе нерва явившаяся на бумаге, непослушная и свободная строка В. Маяковского формируют целостное впечатление от стихотворения как от грозного гимна рабочего движения, а река Лена, вобравшая в себя кровь убитых восставших предстаёт как образ вечной памяти борцам за свободу и достоинство человека.

В стихотворении «Ленин с нами» (1927 г.) поэт повествует об истории революционного движения, начиная с того момента, как «рабочий, впервые спрошенный, ещё нестройно отвечал: – Готов» и по прошествии десяти лет, когда «буржуй распластан, сброшенный», во главе страны «партия, строящая коммунизм», а власть – это «власть Советов» [9, с. 106]. «Недосягаемое слово – «социализм» воплотилось в реальную жизнь, а за всем этим «везде и во всём имя Ленина», «его, Ильичёво, знамя». Десять лет – немалый срок, кардинальные изменения в жизни трудящихся произошли, а революционный шаг не замедляется – таков пафос стихотворения В. Маяковского «Ленин с нами», как и таких произведений, как «Ленинцы» (1930 г.), «Марш двадцати пяти тысяч» (1930 г.), написанный в честь движения рабочих 25-тысячников, и многих других произведений поэта

А. Блок, С. Есенин, В. Маяковский, А. Вергинский, М. Волошин, А. Ахматова, Н. Гумилев, М. Цветаева. Каждое имя, каждая судьба художника с печатью гения, чья жизнь пришлась на начало новой эры, новой цивилизации, новых, привнесенных временем смыслов, продолжают оставаться источником познания содержания эпохи и вопросов вневременного, общечеловеческого характера.

Действительно, для великих поэтов начала революционного XX века революция явилась мощнейшим катализатором творчества, нравственного поиска и одновременно большим личностным испытанием и в силу своей неизведанности, многогранности и потрясающей динамичности, и из-за трагедии и крови, которые принес с собой революционный перелом. Каждый был вовлечен в поиск правды, истины, справедливости и себя самого в реальности революционного бытия. Сопричастность новому зарождающемуся в совокупности с воспоминаниями о старой жизни, в которой было как зло, так и добро, неизбежная ностальгия об уходящей части своей молодости, той, что оставалась в минувшем, – всё это глубоко коснулось поэтов этого необычайно сложного периода и вызвало появление в пространстве новой русской культуры потрясающих поэтических произведений, обладающих магией значения вечности.

Библиографический список:

1. Блок А.А. Записные книжки 1901-1920 гг. // Собрание сочинений в восьми томах. Записные книжки. М.: Издательство «Художественная литература», 1965. – 664 с.
2. Блок А.А. Двенадцать // Собрание сочинений в восьми томах. Том третий. Москва-Ленинград: Государственное издательство художественной литературы, 1962. – С.347-359.
3. Блок А.А. Интеллигенция и революция // Собрание сочинений в восьми томах. Том шестой. Москва-Ленинград: Государственное издательство художественной литературы, 1962. – С.9-20.
4. Есенин С. А. Анна Снегина // Собрание сочинений в пяти томах. Том третий. Москва, 1962. – С. 182 – 209.

5. Есенин С.А. Русь советская // Полное собрание сочинений: в 7 т. Т.2. – Москва: «НАУКА» – «ГОЛОС», 1997. – С. 94-97.
6. Есенин С.А. Русь уходящая // Полное собрание сочинений: в 7 т. Т.2. – Москва: «НАУКА» – «ГОЛОС», 1997. – С. 102-106.
7. Зоргенфрей В.А. Александр Александрович Блок// Записки мечтателей, 1922. № 6. – С.123-154.
8. Маяковский В. В. Лена // Стихотворения. – Ставрополь: КН. ИЗД-ВО, 1980. – С. 91-97.
9. Маяковский В. В. Ленин с нами // Стихотворения. – Ставрополь: КН. ИЗД-ВО, 1980. – С. 102-108.
10. Маяковский В.В. Моссельпром // Полное собрание сочинений в 13-ти томах. Том 5. – М.: Государственное издательство художественной литературы, 1957. – С. 285-311.
11. Маяковский В.В. Революция // Полное собрание сочинений в 13-ти томах. Том 1. – М.: Государственное издательство художественной литературы, 1955. – С. 134-140.
12. Маяковский В.В. Умер Александр Блок// Полное собрание сочинений в 13-ти томах. Том 12. – М.: Государственное издательство художественной литературы, 1959. – С. 21-22.

References:

1. Blok A.A. Zapisny'e knizhki 1901-1920 gg. // Sobranie sochinenij v vos'mi tomakh. Zapisny'e knizhki. M.: Izdatel'stvo «Xudozhestvennaya literatura», 1965. – 664 s.
2. Blok A.A. Dvenadczat' // Sobranie sochinenij v vos'mi tomakh. Tom tretij. Moskva-Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel'stvo xudozhestvennoj literatury', 1962. – S.347-359.
3. Blok A.A. Intelligenciya i revolyuciya // Sobranie sochinenij v vos'mi tomakh. Tom shestoj. Moskva-Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel'stvo xudozhestvennoj literatury', 1962. – S.9-20.
4. Esenin S. A. Anna Snegina // Sobranie sochinenij v pyati tomakh. Tom tretij. Moskva, 1962. – S. 182 – 209.
5. Esenin S.A. Rus` sovetskaya // Polnoe sobranie sochinenij: v 7 t. T.2. – Moskva: «NAUKA» – «GOLOS», 1997. – S. 94-97.
6. Esenin S.A. Rus` uxodyashchaya // Polnoe sobranie sochinenij: v 7 t. T.2. – Moskva: «NAUKA» – «GOLOS», 1997. – S. 102-106.
7. Zorgenfrej V.A. Aleksandr Aleksandrovich Blok// Zapiski mechtatelej, 1922. № 6. – S.123-154.
8. Mayakovskij V. V. Lena // Stixotvoreniya. – Stavropol': KN. IZD-VO, 1980. – C. 91-97.
9. Mayakovskij V. V. Lenin s nami // Stixotvoreniya. – Stavropol': KN. IZD-VO, 1980. – C. 102-108.
10. Mayakovskij V.V. Mossel'prom // Polnoe sobranie sochinenij v 13-ti tomakh. Tom 5. – M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo xudozhestvennoj literatury', 1957. – S. 285-311.
11. Mayakovskij V.V. Revolyuciya // Polnoe sobranie sochinenij v 13-ti tomakh. Tom 1. – M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo xudozhestvennoj literatury', 1955. – S. 134-140.
12. Mayakovskij V.V. Umer Aleksandr Blok// Polnoe sobranie sochinenij v 13-ti tomakh. Tom 12. – M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo xudozhestvennoj literatury', 1959. – S. 21-22.